

Нонсенс как речевой жанр

Мы считаем формальным признаком «нонсенса» как речевого (но не обязательно литературного) жанра непонимание (или квазипонимание) высказывания, реплики в диалоге, речевого акта, отдельных номинаций. При этом «нонсенс как речевой жанр» должен включать перлокуцию непонимания в свою интенциональность, т.е. непонимание или «недопонимание», эпатаж реципиента – это и есть цель нонсенса как речевого жанра.

Создание такого речевого жанра построено прежде всего в осуществлении «Формулы смысла» О. Дюкро: смысл = значение высказывания + ситуация речи [1], из которой вытекает, что смысл создается в результате когнитивного взаимодействия говорящего и реципиента. Бессмыслица, рождаемая говорящим, имеет определенные причины и определенный диапазон.

Для определения хотя бы предварительной классификации «нонсенса» воспользуемся универсальной схемой Р.О. Якобсона [2], в которой наличествуют:

Контакт –	Референт (содержание)	
Адресант	Сообщение	Адресат
–	–	–
	Код	

Референт. Во-первых, для говорящего содержание высказывания может быть вполне адекватно, но оно не удовлетворяет предварительным условиям совершения речевого акта (наличие предварительных знаний у адресата и проч.) [3]:

- Простите, – после паузы заговорил Берлиоз, поглядывая на мелющего чепуху иностранца, – *при чем здесь* подсолнечное масло... *и какая* Аннушка?

- Подсолнечное масло здесь вот при чем, – вдруг заговорил Бездомный, очевидно, *решив объявить незваному собеседнику войну*, – вам не приходилось, гражданин, бывать когда-нибудь в лечебнице для душевнобольных?...» (М. Булгаков «Мастер и Маргарита»).

Адресант. Так называемый «бред сумасшедшего» представляет *эталон* бессмысленной речи, кстати, все-таки имеющей определенный смысл для интерпретатора: «человек, говорящий он – болен». Отдающий приказ генералу солдат может произнести вполне правильную, стандартную команду, например: «Смирно!», однако возникает ситуация нонсенса.

Противоположный взгляд на мир, или несоответствующие экзистенциальные (моральные) нормы (пресуппозиции) также могут квалифицировать высказывания как «нонсенс»:

«Фамусов

Ну что? не видишь ты, что он с ума сошел?

Скажи сурьезно:

Безумный! что он тут за чепуху молот!

Низкопоклонник! тесть! и про Москву так грозно!

А ты меня решила уморить?

Моя судьба еще ли не плачевна?

Ах! Боже мой! что станет говорить

Княгиня Марья Алексевна!» (А.Грибоедов «Горе от ума»).

Адресат. Конативная функция Якобсона, связанная с адресатом, а, другими словами, функция воздействия, может побудить говорящего к сознательному производству нонсенса как языковой игры. Почему со смыслом можно играть? Так как смысл – производное ситуации (см. выше), то игра со смыслом – это либо игра словом (поэтическая функция), несущим его, либо игра с адресатом (посредством слова).

«Что такое вечность – это банька,

Вечность – это банька с пауками.

Если эту баньку

Позабудет Манька,

Что же будет с Родиной и с нами?» (В.Пелевин «Generation 'П'»)

Контакт. Классический анекдот про диалог глухих: « – Ты что, рыбу ловишь? – Нет, я рыбу ловлю. А, я думал, ты рыбу ловишь». (См. анализ гипертрофии фатической функции, т.е. функции контакта в диалоге в «театре абсурда: [4]).

Код. Не говоря о разных языках, ставящих барьеры пониманию, рождающие такие ксено-номинации, как «абракадабра» или название целого народа «немцы, немчура», кодом, представляющим бессмыслицей, может служить вариант языка (кацелярит, профессиональный сленг, аргю). Политически ориентированная лексика может быть «непрозрачной» для неискушенного в политике адресата. Немного в пародированном виде это представляет В. Пелевин:

«Социализм – это строй цивилизованных кооператоров с чудовищным Распутиным во главе, который копируется и фотографируется не только большими группами коллективных пропагандистов и агитаторов, но и коллективными организаторами, различающимися по их месту в исторически сложившейся системе использования аэропланов против нужд и бедствий низко летящей конницы, которая умирает, загнивает, но так же неисчерпаема, как нам реорганизовать Рабкрин» (Пелевин «Омон Ра»).

«Новояз» и псевдореперентные неологизмы не раз были объектом рассмотрения в лингвистике. Достаточно вспомнить щербовскую «глокую куздру» или только похожие на настоящие высказывания «пролетариата» в книгах Платонова:

- Что же твоя истина! – сказал тот, кто говорил прежде.— Ты же не работаешь, ты не переживаешь вещества существования, откуда же ты вспомнишь мысль!

- А зачем тебе истина? – спросил другой человек, разомкнув спекшиеся от безмолвия уста.— Только в уме у тебя будет хорошо, а снаружи гадко.
- Вы уж, наверно, все знаете? – с робостью слабой надежды спросил их Воцев.
- А как же иначе? Мы же всем организациям существование даем! – ответил низкий человек из своего высохшего рта, около которого от измождения слабо росла борода» (А. Платонов. «Сокровенный человек»).

Непрозрачный язык науки можно сравнить с псевдоредерентной номинацией (см. статью Ю.В. Кулаковой в наст. сб.). Эддингтон пишет: «Наблюдая восемь электронов в одном атоме и семь электронов в другом, мы начинаем постигать разницу между кислородом и азотом. Восемь «хливых шорьков» «пыряются» в кислородной «наве» и семь – в азотной. Если ввести несколько чисел, то даже «Jabberwocky» станет научным. Теперь можно отважиться и на предсказание: если один из «шорьков» сбежит, кислород замаскируется под азот. В звездах и туманностях мы, действительно, находим таких волков в овечьих шкурах, которые иначе могли бы привести нас в замешательство. Если перевести основные понятия физики на язык «Jabberwocky», сохранив все числа – все метрические атрибуты, ничего не изменится; это было бы неплохим напоминанием принципиальной непознаваемости природы основных объектов» [Цит. по 5].

Высказывание. Сам выбор формы плана содержания маркирован социологическими параметрами. Макароническая речь (злоупотребление иностранными словами, заимствованиями и т.п.) [см. 6], необоснованное употребление научных терминов, стилистически маркированной лексики выделяет говорящего, «повышает» его самооценку, которая может быть далеко не адекватной. Это же касается всякого рода «речевого манерничанья», проявляющегося в усложнении синтаксических конструкций, витиеватости выражения.

В сказке Л. Кэрролла синтаксически неправильная фраза из диалога Алисы с Герцогиней подчеркивает не только ее громоздкий синтаксис, но и комизм речевого снобизма, который подчеркивается метаречевым комментарием Герцогини (*Я сформулирую это проще*), и реакцией Алисы (*Мне кажется, я бы лучше поняла, – учтиво проговорила Алиса, если б я могла это записать. А так я не очень разобралась*):

« – Я совершенно с тобой согласна,— сказала Герцогиня.— А мораль отсюда такова: всякому овощу свое время. Или, хочешь, я это сформулирую попроще: *никогда не думай, что ты иная, чем могла бы быть иначе, чем, будучи иной в тех случаях, когда иначе нельзя не быть.*

– Мне кажется, я бы лучше поняла, – учтиво проговорила Алиса, – если б я могла это записать. А так я не очень разобралась» (Л. Кэрролл).

В этой фразе, кроме нарочитой усложненности формы плана содержания, – в частности, двойных отрицаний с перенасыщенностью отрицательных местоимений (- *никогда не думай, что ты иная, чем могла бы быть иначе, когда иначе нельзя не быть*), – имеются прямые нарушения определенного

синтаксического правила, причем, поскольку правило достаточно тонкое, нарушения не очевидны. Нарушение состоит в том, что глагол с двумя альтернативными моделями управления употреблен как реализующий обе, исключаящие друг друга, возможности одновременно. Так, можно сказать *иной, чем может показаться окружающим* и – *окружающим может показаться, что*; но нельзя сказать **иной, чем окружающим может показаться, что...*

Перегруженность высказывания Герцогини на уровне формы плана содержания проявляется в злоупотреблении сослагательным наклонением, осложненным придаточными дополнительными предложениями.

Какого бы параметра речевого акта не касался бы «нонсенс», он, как тень, сопутствует смыслу.

Основываясь на психоаналитической традиции в рамках синергетики, В.В.Василькова полагает: «В образе искомого миропорядка хаос неуничтожим, он присутствует как обязательный элемент такого порядка. Выражаясь языком современной теории самоорганизации, *порядок на макроуровне сопряжен с беспорядком на микроуровне*. Это соотношение выражено с наибольшей полнотой в *мифологеме лабиринта как архетипического прообраза миропорядка*, в котором высшая метафизическая упорядоченность присутствует наряду с беспорядочным «хаосом блужданий» на «микроуровне» обыденной жизни, лишенной высоты Абсолютных смыслов» [Цит. по 7: 372].

Библиографический список

1. *Ducrot, O. Dire et ne pas dire [Text] / O. Ducrot. – P., 1972. – 283 p.*
2. *Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика [Текст] / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-230.*
3. *Searle, J.R. Les actes de langage [Text] / [Text] / J.R. Searle. – Paris: Hermann, 1972. – 261 p.*
4. *Федотова, В.Ю. Функционально-прагматическая характеристика фатических стратегий французского [Текст]: дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2004. – 140 с.*
5. *Кэрролл, Л. Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье [Текст] / Л. Кэрролл. – М.: Наука, 1990. – 359 с.*
6. *Береговская, Э.М. Игра в однофразовом тексте: макароническая речь [Текст] / Э.М. Береговская // Лингвистика и постмодернизм. Материалы докладов научной конференции. – Минск: МГЛУ, 2004. – С. 37-41.*